

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 590-603
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.590

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking

Galiya A. Shotanova ^{a,*}, Ernar M. Uzhkenov ^b, Kulyash V. Dzhumagaliyeva ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Public Foundation "Institute of National History", Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the role and significance of the steppe nobility of the Junior Horde, which played a significant role in the process of establishing Kazakh-Russian relations of the XVIII - early XIX centuries, since the role of the steppe elite was very relevant. In the context of the management of their possessions, representatives of the Steppe elite were guided by the norms of the "customary law" of the code of laws compiled by Tauke Khan, who was known as "Zhety Jargy" and had a certain influence on the decision of not only internal, but also involved in external processes of the Kazakh statehood. Their presence during important negotiations was explained by the fact that each steward was interested in the safety of those tribal groups that made up his entourage and represented his allotment. Therefore, the khan accepted the solution of issues on which the welfare of the Steppe depended in the presence of elders, influential sultans, biys and batyrs. The same case is recorded in written sources when the fate of the fatherland was decided after the death of Tauke Khan. Then Abulkhair Khan took a key position in the Kazakh steppe. This was a person who was appreciated by the external rulers by the elder khan. The role of the Khan of the Junior Horde Abulkhair in the life of both the Kazakhs themselves and his relationship with Bashkirs, Kalmyks, Russians, Khivins, etc., is described very meaningfully in the writings of representatives of these peoples.

Here the authors tried to reconstruct the picture of the circumstances that radically changed the socio-political structure of the Steppe and intend to assess some historical figures that played an important role in solving the strategic tasks of the Kazakh steppe.

Keywords: steppe elite, Russian Empire, Kirillov expedition, strategic partner, Abulkhair Khan, Junior Horde, Orenburg.

1. Введение

Ключевым событием утраты государственности казахским народом является момент принятия Абулхаир-ханом российского протектората. В советской историографии данное событие объяснялось главным образом джунгарской угрозой, представлявшей опасность не только для суверенитета, но и даже для выживания казахской нации. Однако при сопоставлении исторических фактов это предположение выглядит по меньшей мере странно, так как только были одержаны крупные победы над войском джунгар (в 1728, в декабре 1729, в январе 1730 гг.). На тот момент джунгарская угроза как основная причина принятия протектората была временно устранена. Мнение об устремлениях Абулхаир-хана через подданство Российской империи и при ее поддержке стать главным ханом в Казахской степи характеризует скорее незнание реалий казахского общества или их упрощенное восприятие. Хан прежде всего был сакральной фигурой, и любое его желание должно было встретить

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov), d_kylash@mail.ru (K.V. Dzhumagaliyeva)

понимание со стороны родовых управителей, учитывая тот факт, что Абулхаир-хан не смог предотвратить угрозу смерти посланнику империи Кутлу-Мухаммеду Тевкелеву в своей ставке, и лишь вмешательство других старшин сохранило ему жизнь. Следует учитывать, что претенденты от Младшего жуза должны были встретить одобрение казахов Среднего и Старшего жузов, что шло вразрез со сложившимися традициями.

В настоящее время требуют переосмысления не только исторические процессы, но и роль исторических личностей, судьба которых тесно переплелась с событиями прошлого. В нашем случае речь пойдет о некоторых представителях степной элиты, сыгравших определенную роль в казахско-русских отношениях в XVIII – начале XIX вв. В этот период Казахская степь фактически находилась под протекторатом России. События обернулись таким образом, что казахские правители обратились к российской короне как стратегическому партнеру в борьбе с внешними угрозами. В намерения степной правящей элиты входило сохранение дальнейшего суверенитета и своей относительной самостоятельности.

К тому времени это был взвешенный, хотя и весьма рискованный политический курс правителя Младшего жуза Абулхаира. Несомненно, это укрепило казахско-русские дипломатические отношения и визуализировало внешней восточной угрозе серьезность двухстороннего сотрудничества. Однако надо признать, что от этой ситуации больше выиграла империя, которая в своих интересах рассматривала Казахскую степь как один из стратегически важных географических объектов для пополнения своего земельного фонда и налаживания безопасности торгово-экономических связей с Центральной Азией и Востоком.

2. Методы и материалы

Источниковую базу исследования составили документы фондов Государственного архива Республики Татарстан, материалы периодической печати, а также сборники опубликованных исторических документов.

Историческая наука в настоящее время находится под воздействием новых трансформаций, что в большей степени связано с появлением и развитием научных подходов. Довольно длительное время на территории СССР и постсоветского пространства господствовал формационный подход, который ограничивал исследователей в интерпретациях исторических процессов прошлого. Понятно, что и казахско-русские отношения рассматривались через призму идеологического сита. К слову, оценка этих отношений давалась только через призму позитивного подхода, где Российская империя, в отличие от других западноевропейских держав, была объявлена носителем более гуманной колониальной традиции.

К числу наиболее объективных инструментов изучения данного периода относится и ситуационный подход, который составил основу нашего исследования, где не всеобщие закономерности, а локальность и дискретность исторического процесса на территории Младшего жуза казахов в XVIII в., деятельность его лидера хана Абулхаира рассматриваются через призму исследования ситуаций, их форм и конструкций. Субъект исследования – хан Абулхаир как сторонник присоединения Младшего жуза казахов к Российской империи – становится и объектом исследования. Применение ситуационного подхода позволило авторам статьи через изучение позиций хана Абулхаира при решении важных внешнеполитических проблем смоделировать и проанализировать различные ситуации на территории Казахской степи в XVIII в. Использование данного подхода доказывает необходимость действий и выбранных способов решения важных вопросов ханом Абулхаиром в тот исторический период.

Междисциплинарный подход дает возможность применить методы разных научных дисциплин, что помогает исследовать нашу проблему более глубоко. В частности, применение методов картографического анализа позволяет описать географические условия, их специфику, а также восстановить существовавшие условия природного ареала и раскрыть проблемы жизнеобеспеченности казахской общины в частности и казахского кочевого общества в целом.

В исследовании применяется микроисторический подход, который дает возможность анализировать малозначимые, незаметные в повседневной жизни человека случаи, факты, что позволяет нам в свою очередь интерпретировать большое количество событий. На уровне микроистории изучается тонкая связь взаимовлияния элиты казахского общества, в частности ханов, султанов, и представителей простого народа. Микроисторический подход помогает раскрытию внутреннего состояния человека: применяя его, мы конструируем события того исторического периода через взгляды, переживания казахского хана Абулхаира.

При исследовании данных исторических вопросов исходным является принцип приоритета презумпции научной истины. Одним из постулатов, которым руководствовались авторы статьи, выступает тезис о причинах сближения степной аристократии с представителями колониальной администрации.

3. Обсуждение

Взаимоотношения степной элиты и представителей царской администрации в период XVIII – начала XIX веков широко представлены в материалах дореволюционных периодических изданий из Российской государственной библиотеки г. Москвы (РГБ). Один из важных источников, который у нас вызывает интерес, – «Грамота Анны Иоанновны Абулхаир хану» от 20 апреля 1734 г., опубликованная в Тургайской газете в 1899 году. Можно предположить, что императрица была встревожена рядом событий, происходивших к тому времени в Казахской степи после заключения двухстороннего соглашения о сотрудничестве. По документу можно проследить, что ее беспокоила степная вольность, особенно отношение казахов к действиям мурзы Тевкелева. По мнению Анны Иоанновны, в ряде случаев не соблюдались некоторые «важные пункты соглашения», отмеченные в «Указе о принятии казахов Младшего жуза в состав Российского подданства» от 1731 года.

При этом, учитывая некоторые особенности казахско-русских взаимоотношений, российская корона приняла решение поддержать идею Абулхаира о строительстве города на р. Орь, что прослеживается в следующей грамоте от 10 июня 1734 года. Необходимо отметить, что в создании города для казахского правителя была заинтересована сама империя, так как это был более эффективный способ контроля своих «подданных». По той же причине на строительство города была направлена экспедиция И. Кириллова, которая впоследствии составила гарнизон Орской крепости, куда следом были отправлены значительные воинские подкрепления.

Практически все доступные источники характеризуют период XVIII века как время попыток усиления российского влияния на Казахскую степь, по большей части дипломатическими способами, подчеркивая при этом относительную самостоятельность казахской верхушки. Эти мотивы, к примеру, прослеживаются в обращении оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа в 1773 году от имени Екатерины II к Нуралы-хану, в котором предлагалось оказать помощь в подавлении восстания под руководством Е. Пугачева. Такое же письмо было направлено и Айшуак-хану ([Казахско-русские отношения, 1964](#)). В этом же издании мы наблюдаем четкое вовлечение протектора во внутренний процесс традиционного кочевого общества, где императрица, выражая соболезнование в связи с кончиной Нуралы-хана, озвучивает свое желание видеть последующим правителем Малой орды Ералы. Эти процессы в целом заключали в себе некоторые особенности дипломатических отношений, но вместе с тем указывали на первостепенную важность устоявшихся степных традиций, где определяющим было решение Ханского совета, что отмечается и в труде К.Ш. Хафизовой: «Одним из важных факторов для казахских правителей была необходимость признания их легитимных прав на ханство, на владение уделом и закрепление этих прав за своим наследником» ([Хафизова, 2019: 11](#)). В этом же контексте важно обратить внимание на сборник исторических документов в 2 томах, который включает в себя целый пласт писем казахских правителей с 1675 по 1821 годы ([Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014](#)).

Важнейшими источниками также явились записки, дневники и воспоминания путешественников, купцов как русских ([Халфин, Рассадина, 1977](#)), так и иностранных, совершавших поездки в казахские жузы. Они смогли передать характер, быт и повседневную жизнь кочевого общества через свои наблюдения. В этой связи можно отметить живописца Джона Кэстля, совершившего летом 1736 г. поездку в Младший жуз. Он побывал в ставке хана Абулхаира у Аральского моря. Его «Дневник путешествия» был опубликован в 1784 г. в качестве приложения к «Материалам по русской истории» ([Journal von Ao, 1784](#)). Также имеется реляция Флорио Беневени из Бухары в 1725 г. ([Аллаева, 2021: 85-87; Халфин, 1986](#)).

Основные этапы и ход исторических событий, связанных с развитием казахско-русских взаимоотношений второй половины XVIII – начала XIX вв., отражены в одной из крупнейших работ по данной проблеме – «Материалах по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.)» М.П. Вяткина, изданной в 1940 году. В ней прослеживается характер взаимоотношений казахской элиты с представителями царской администрации. Но особенность ее также в том, что здесь идет переосмысление устоявшихся в имперский период взглядов о «подчинении Казахской степи». Автор пишет, что обращение Абулхаира и его приближенных к союзу «лишь облегчило наступление феодально-крепостной России на казахские степи, но развернуть это наступление царскому правительству удалось после подавления восстаний в Башкирии, которые наблюдались в 30–40-е годы XVIII» ([Вяткин, 1940: 3](#)).

Большой интерес представляют европейские источники, особенно дневниковые записи английских путешественников, которые были в свое время впервые изучены ученым К. Есмагамбетовым в работе «Что писали о нас на Западе» ([Есмагамбетов, 1992](#)) и более подробно проанализированы в труде Б. Сужикова «История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.» ([Сужиков, 2005](#)). Европейский взгляд на исторические процессы и казахско-русские взаимоотношения во многом основан на тех или иных популярных подходах, как, например, «теория границ», которая, несмотря на всю критику и полный крах, стала своего рода прародителем теории «естественных границ» и выделения фронта. Именно фронт в работах западных ученых как территория между кочевниками и империей стал объектом рассмотрения этапов формирования стабильности и порядка на этой границе, а также проблем ее укрепления путем организации сети

военных укреплений и установления полного контроля (Моррисон, 2020). Казахская степь была довольно трудно контролируемой территорией для Российской империи, но в то же время она имела стратегическое значение. В процессе подчинения региона и управления им сыграли свою роль как русские, так и казахские представители (Кэмпбелл, 2017).

Отдельным методом упрочения своих амбиций являлась попытка реализации проекта духовной интеграции. Помимо пропаганды преимуществ принятия православия, для большего укрепления своих позиций и отношений с местной знатью Российская империя сделала ставку и на ислам. Одна из целей – формирование из кочевого населения лояльных подданных, культурным ориентиром которых должны были стать религиозные центры Поволжья. Исламу предстояло стать связующим звеном в укреплении казахско-русских отношений (Круз, 2006).

Также в западной историографической традиции отдельно обсуждаются проблемы распространения степени влияния и взаимодействия российского правительства с кочевой элитой, и в этом аспекте анализируются причины относительно мирного продвижения царизма в Казахскую степь, что нашло отражение в работе Г.Т. Кендирбай (Кендирбай, 2020).

В отечественной историографии вопрос изучения казахско-русских отношений в период имперского влияния России получил широкую популярность в 1990-е годы. Появились труды таких исследователей, как Ж. Касымбаев (Касымбаев, 1997), К.Л. Есмагамбетов (Есмагамбетов, 1992), И.В. Ерофеева (Ерофеева, 2007), Б. Абиьлдаулы (Абиьлдаулы, 2002), которые дали возможность современным авторам продолжить реконструкцию событий XVIII – первой половины XIX веков и вместе с тем переосмыслить роль исторических личностей.

До этого времени в советской историографии вопрос «добровольного присоединения», или «добровольного вхождения», освещался с точки зрения формационного подхода, поддерживая идейную линию марксистско-ленинской идеологии. В зависимости от интерпретации событий авторами прошлого создавались своеобразная картина действий и характеристика образов исторических лидеров. На протяжении долгого времени исследователи ориентировались на наиболее популярные и известные дореволюционные источники, которые в большей степени гласно или негласно освещали волю царя или же идеи царских чиновников, к примеру В.Н. Витевский (Витевский, 1891), П. Рычков (Рычков, 1762). В свое время широко известными в научном обиходе стали труды советских историков П. Галузо (Галузо, 1965), В.Я. Басина (Басин, 1971), Б.С. Сулейменова в соавторстве с В.Я. Басиным (Сулейменов, Басин, 1981) и др.

В кругу российских и зарубежных ученых можно встретить работы о политике взаимоотношений казахской знати со среднеазиатскими ханствами. Например, наиболее значимыми стали научные труды В.В. Трепавлова (Трепавлов, 2017), Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2017), Д.В. Васильева (Васильев, 2015), С.У. Таймасова (Таймасов, 2009). Вопросу изучения дипломатических отношений хивинских ханов и правителей Казахской степи посвятили свои исследования узбекские авторы – Н.А. Аллаева (Аллаева, 2021), Б.А. Ахмедов (Ахмедов, 1985) и др.

Анализ непростых отношений казахской элиты Младшего и Среднего жузов с Российской империей представлен в работе Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2019). Применяя на практике монгольские традиции в системе управления (аманатство, ясак) в XVIII – первой половине XIX вв., российское правительство тем самым стремилось наладить контроль над степной элитой. Роль института аманатства во внутренней политике Российской империи и его место в казахско-русских отношениях подробно описаны в работе Г.Б. Избасаровой (Избасарова, 2017).

Одним из примеров казахско-русских отношений, а именно вмешательства и изменения традиций, существовавших в казахском обществе, является инаугурация хана Младшего жуза Жанторе. Сам процесс провозглашения его ханом был проведен в соответствии с законом Российской империи 1792 года, хотя обычно это решали сами султаны-чингизиды и представители казахской знати (Васильева, 2019).

4. Результаты

История процесса колонизации Великой Степи остается одной из наиболее актуальных для исследования утраты государственности в XVIII веке. Как известно, процесс колонизации можно подразделить на казачью, крестьянскую и военную колонизацию степных пространств, и если сами переселенческие волны достаточно хорошо описаны (Абдиров, 2000), то отношение к этому процессу представителей степной элиты остается одним из дискуссионных вопросов отечественной истории. Начало колонизации традиционно относят к активному проникновению казаков в Приуралье и основанию Яицкого городка, что совпало с временным ослаблением Казахского ханства и утратой контроля над кочевым населением этих районов.

Процесс вхождения в состав российского государства имел продолжительную историю и имел как своих сторонников, так и противников. На должность сторонников в советский период был «назначен» Абулхаир-хан, названный инициатором данного процесса. Более того, он в советской историографии выступал как фигура достаточно лояльная к российской власти, а его цель обращения к российскому протекторату трактовалась как попытка с помощью российской власти добиться объединения казахов под своей абсолютной властью. Здесь необходимо более подробно остановиться

на функциях хана и его реальных возможностях. Постулат об отсутствии у кочевого правителя абсолютной власти известен уже давно. Хан – это главнокомандующий с возможностью делегировать свои полномочия другому, как, например, Тауке-хан, который вследствие тяжелой болезни не мог самостоятельно водить войска в бой; правитель, решения которого можно корректировать, как это было с самим Абулхаиром, когда часть старшин выступила против самостоятельного принятия решения о протекторате; судебные полномочия хана возникали только тогда, когда стороны не могли прийти к самостоятельному решению конфликта, но даже хан мог быть призван в качестве ответчика, как, например, Нуралы-хан был приговорен к выплате куна простому кочевнику за причиненные побои. Одна из функций хана, наиболее важной из которых была прерогатива вести внешнеполитические переговоры и принимать решения в них, также могла быть подвергнута пересмотру. Так, китайские чиновники, пытавшиеся повлиять на мнение хана Старшего жуза, были вынуждены ждать приезда его главного советчика – Толе би. «Среди деятелей большинство составляют представители «белой кости», что вполне закономерно, так как дипломатия была привилегией ханов и ближайших их родственников – султанов. Среди послов мы встречаем представителей «черной кости», но и они в своем большинстве относились к казахской феодальной знати...» (Хафизова, 2019: 5).

В целом необходимо признать, что действия хана Абулхаира по принятию протектората не укладывались в его властные функции, однако, если обратим внимание на действия хана Среднего жуза – Семеке, то его единовластное решение о протекторате не вызвало подобного негативного отклика среди его подданных, что побуждает нас искать причину обращения Абулхаира к Российской империи именно во внутривосточной ситуации Младшего жуза. Младший жуз, расположившись на одном из флангов Казахской степи, был окружен со всех сторон кочевыми и оседлыми соседями, что вынуждало любого властителя держать войска не врозь, а в едином целом, что в свою очередь приводило, как правило, к самым негативным последствиям. Ханская дружина просто не успевала отреагировать на многочисленные вторжения или агрессию. По данным известных нам источников, виден размах и масштабность тех действий, которые предпринимал хан Абулхаир для защиты своего народа. Так, он на короткое время становится ханом Хивы, был приглашен стать ханом башкир, пытался посадить своего сына ханом у туркмен, контролировал часть каракалпаков, ходил походами на волжских калмыков и уральских казаков. Столь бурная внешняя политика вовсе не означала надежный и крепкий тыл и зачастую вызывала противодействие даже внутри ханской семьи. Как известно из источников, Нуралы как старший сын хана вел самостоятельные переговоры с царской администрацией и склонял отца к более прочному подчинению российской короне. Более того, слабость ханской власти вообще была характерна для Младшего жуза. Согласно «Жеты Жаргы» Тауке-хана, убийство хана или султана простым кочевником характеризовалось как самая тяжкая статья. Тем не менее Сырым-батыр убийством хана Ералы по сути положил начало процессу ликвидации ханской власти вообще, а Есет-батыр убил даже двух султанов. Жанкожа Нурмухамедов отстаивает свой суверенитет даже перед последним общеказахским ханом Кенесары, а Исатай-батыр перед последней своей битвой отказывается признать своим ханом султана Каипгали. Степень непопулярности ханов также была характерна и для Младшего жуза. Так, ханы Шергазы, Жанторе и Нуралы и вовсе предпочитали жить вблизи российской границы и быть под охраной колониальных властей.

Сами события, случившиеся в период переговоров о подданстве, хорошо освещены и изучены. Так, например, описывая мотивы Абулхаир-хана, В.Я. Басин в 1971 году пишет, что «одновременно с принятием казахами российского протектората, Абулхаир рассчитывал опереться на могущественную Россию против Джунгарии, расширить торговлю с ней, получить право пользоваться пастбищами между Волгой и Уралом» (Басин, 1971: 132), иначе говоря, на тот момент были актуальны поиски «выгодного сюзерена-покровителя» (Галузо, 1965: 11). А в 1981 году тот же В.Я. Басин в соавторстве с Б.С. Сулейменовым пишет, что «наиболее дальновидная часть казахского общества, в частности «ханская партия» во главе с ханом Младшего жуза Абулхаиром, единственный выход из этой тяжелой для края внутренней и внешнеполитической обстановки видела в принятии российского подданства» (Сулейменов, Басин, 1981: 37).

Однако вопрос о мотивах и причинах, побудивших обратиться Абулхаира к российскому покровительству, остается открытым. Указываемая в качестве причины в ряде источников и научной литературе угроза нового джунгарского нашествия может считаться таковой лишь отчасти, поскольку Аныракайская битва достаточно серьезно подорвала силы джунгар, и обращаться к российскому протекторату сразу после победы по крайней мере выглядит сомнительно для главнокомандующего всем казахским войском. Последующий ход событий также показывает, что и в 1740-х гг., после принятия протектората, джунгар не остановил новый статус извечных врагов, и состоялась серия сражений, в которых российское правительство не оказало военной поддержки своим новым подданным и ограничилось только лишь дипломатическими мерами. По сути, главная причина, указываемая в источниках – джунгарская угроза – была ликвидирована уже в конце 1740-х – начале 1750-х гг. силами казахов, которые воспользовались тем, что джунгары были вынуждены держать часть сил против Цинской империи.

Еще одной причиной, укоренившейся в отечественной науке, называлась попытка Абулхаир-хана с помощью российских властей стать единоличным правителем. Отметим, что на тот момент по устоявшимся степным обычаям и праву роль старшего хана отводилась Абулхаиру, поскольку он обладал достаточным авторитетом и вкладом в дело безопасности ханства. Но также этот статус примерял на себя и Кайып-хан. В этой связи о важности существования «старшего хана» известный ученый-востоковед К.Ш. Хафизова пишет: «Казахских ханов объединяло понимание необходимости иметь старшего хана, хотя бы для председательствования на ханских советах, для обсуждения насущных внешнеполитических вопросов и достижения консенсуса. Старший хан должен был быть знатного происхождения и, в силу своей знатности, обладать авторитетом. Если он уступал по знатности, как, например, хан Абулхаир, то по меньшей мере должен был завоевывать этот авторитет своим вкладом в дело безопасности ханства, отличившись в крупных военных сражениях и дипломатических переговорах с соседними государствами» (Хафизова, 2019: 9). По сути, Абулхаир-хан не мог не понимать всю неосуществимость своих «мечтаний» о всеказахском троне, поскольку даже его собственные султаны и родовые правители не всегда поддерживали его. Свидетельств подобного умозаключения в источниках немало, а учитывая тот факт, что каждый родоправитель принимал присягу на подданство Российской империи самостоятельно, нетрудно представить степень центробежных процессов.

Сама территория исторического проживания казахов выходила за пределы современных политических границ и включала в себя многие приграничные на сегодня районы, подходившие для нужд кочевого хозяйства. Само понятие границы у кочевников расходится с теми или иными маркерами, подходившими для земледельческих культур, поскольку включает в себя географические ориентиры, сакральные места или постройки и наиболее удобные для выпаса скота пастбища и водопои. Так, географическим ориентиром могли выступать холмы, горы или леса, а также берега рек или озер, где давняя традиция использования пригодных для выпаса скота мест служила неким юридическим актом для узаконивания прав того или иного социума на эту территорию. Сакральные места зачастую представляли собой отдельно стоящие могилы либо некрополи и служили дополнительным подтверждением прав на данную территорию, как и колодцы или переправы через водные преграды, которые зачастую закреплялись за определенным родом или индивидом, однако существовали и определенные правовые нюансы при использовании колодцев (Дробышев, 2006: 170). При всей богатой литературе по теме наличия частной собственности у кочевников нам близка точка зрения Н.Н. Крадина, где он достаточно аргументированно утверждает, что частная собственность у кочевников распространялась на движимое имущество и скот (Крадин, 2020).

Сам регион представляет собой в природно-климатическом плане степные пространства, где зона полупустынь достигает территории современной Атырауской области, а именно среднего течения реки Сагиз с отдельными пустынными районами восточнее реки Волги, а также занимает почти всю южную часть современной Актюбинской области. Сама территория Западного Казахстана представляла собой идеальную площадку для ведения кочевого хозяйства. Климатические условия достаточно суровые – засоленные почвы, аридная местность, большая амплитуда температур предопределили кочевое хозяйство как единственно возможный вид. Ярким свидетельством этого является судьба Ханской ставки, построенной на территории Букеевской орды ханом-реформатором Джангиром. Занесенная песками, Ханская ставка ненадолго пережила своего создателя (Дробышев, 2006: 172-173). Пустынный характер местности, большие пространства, мобильное хозяйство и воинственность местных кочевников стали серьезным препятствием для колонизации края.

Именно поэтому мы видим, что на протяжении всего XVIII – начала XIX веков устремления российской державы были направлены на захват более благоприятных районов, долин рек и плодородных земель, благодаря чему близлежащие кочевья довольно быстро приняли новую власть. О степени подчинения дальних кочевий сложно судить на сегодня, и если говорить именно о подчинении кочевников и превращении их в подданных Российской империи, то этот процесс затянулся вплоть до середины XIX века. Для более раннего периода следует подразумевать, что казахские власти находились под протекторатом России. Отсутствие реальных рычагов давления и администрирования над отдаленными кочевьями российские колониальные власти могли компенсировать лишь лояльностью местной степной элиты.

Природная мобильность кочевников, климатические и природные факторы, а также довольно малочисленные военные отряды, способные преодолеть необъятные степи, обеспечили довольно мирное продвижение царских отрядов в глубь казахских степей. Сам процесс колонизации, занявший по времени более 200 лет, не являлся завоеванием, согласно классической точке зрения. На протяжении всей военной колонизации Казахской степи ожесточенное сопротивление оказывалось только на уровне родовых дружин, и только лишь благодаря личным качествам предводителя и полководца, в период предводительства Кенесары национально-освободительной войной, казахи смогли противопоставить российской армии достаточно большое количество сарбазов. Таким образом, именно лояльность местной элиты позволила российской колониальной администрации закрепиться в казахских степях.

Общий ход исторических процессов складывался таким образом, что российской короне, как было указано выше, противостояло не централизованное государство, а ополчение жузов, объединявшихся лишь перед внешней угрозой, такой как, например, джунгарское нашествие.

Первая треть XVIII века для Казахстана стала периодом, угрожавшим не только потерей независимости, но и национальной идентичности. После смерти Тауке-хана к просторам Казахской степи наблюдался повышенный интерес со стороны Джунгарского ханства. Помимо этого, имела место внутренняя борьба правящих элит, что также нарушило стабильность в Казахском ханстве. В книге «Казахстан в составе России» говорится, что «казахи оказались в невыносимо тяжелом положении. Это ускорило их решение обратиться к России с просьбой о подданстве» (Сулейменов, Басин, 1981: 36). Именно с именем Абулхаира в последующем, в 30-е годы XVIII века, связывают тесные контакты казахских ханств с Российской империей, Хивой, Башкирией и каракалпаками.

Во время работы в Российской государственной библиотеке в г. Москве на страницах ряда дореволюционных печатных изданий были обнаружены сведения о заинтересованности России в соседних землях, в том числе и Казахской степи. Это был характерный для империи процесс, так как Россия получала выход на рынки Азии, не имея естественных конкурентов, а также смогла бы наладить сбыт своей продукции, что стимулировало бы развитие собственной промышленности. Учитывая слабость промышленной базы, Российская империя смогла бы перенаправить часть всемирной торговли через свои рынки и порты, что автоматически бы позволило пополнить государственную казну и усилить позиции на европейской, а по сути, и мировой сцене. Отсюда мы наблюдаем попытку подготовки военного похода в Британскую Индию через казахские степи императором Павлом I, сюда же можно отнести и политику развертывания строительства опорных баз – линии крепостей и городов. Немаловажным фактором усиления военного проникновения в казахские степи стала нейтрализация угрозы перспектив объединения кочевников в единое целое, особенно учитывая наличие пусть и ослабевшего, но все-таки признанного последнего государства кочевников – Казахского ханства. Это же обстоятельство проявилось, когда речь пошла о строительстве города на берегу реки Орь, которая служила бы административным центром империи с целью контроля над казахами и недопущения усиления казахско-башкирских связей. Например, о несогласии строительства этого города высказались башкиры, отправив на переговоры с И.К. Кирилловым в г. Уфу своих представителей. По их мнению, строительство города в будущем ограничит их связь с казахами. И вместе с тем упомянули то, что строительство крепостей нарушало прежние договоренности с Россией, закрепленные еще при Иване Грозном. В своем обращении к И.К. Кириллову башкиры говорили: «Царь Иоанн даровал в 1556 году нам вольности жить, при старых порядках, по древним нашим обычаям, самим собой управлять, и чтобы на наших землях отнюдь русских не было; на этом условии наши предки признали себя данниками и вошли в российское подданство. Но вопреки грамоте 1556 года, началось строительство городов и населять их русскими...» (ГАРТ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 195. Л. 11). Однако к тому времени наблюдалась политическая трансформация Московского царства в Российскую империю (Киргизская степь..., 1877: 5), что негативно повлияло на интересы подвластных народов. Относительно этого Г.Б. Избасарова пишет, что инородные политические сообщества успели превратить Россию в многонациональное государство, что стало удобным началом для России с новым статусом «империя» (Избасарова, 2018: 68). В этой связи Суни Рональд отмечает: «После завоевания Иваном IV Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. Московское государство инкорпорировало в свой состав территории, компактно заселенные нерусскими народами» (Суни, 2004: 177).

Несмотря на разработанную доктрину «естественных границ» в дореволюционный период, сутью которой был выход на естественные горные препятствия, чтобы нейтрализовать любые внешние вторжения со стороны британских владений и Афганистан, Казахская степь у царских чиновников все же пользовалась интересом не только в качестве транзитного коридора на среднеазиатские рынки, но и в качестве самостоятельного субъекта торговли и прибыли, о чем свидетельствуют доходы от приграничной торговли. Так, в 1830-е годы только Казахская степь потребляла более 50 % хлопчатобумажных изделий, являясь таким образом крупнейшим рынком для России в области развития легкой промышленности (Акимбеков, 2018: 316). Поэтому «вслед за Тевкелевым отдельные исследователи разных поколений справедливо связывают стратегический этап, навсегда определивший неизбежность включения Казахстана в орбиту России, с именем и деяниями Петра I. Он дал поручение ответственному работнику Сената И. Кириллову и дипломату, переводчику Коллегии иностранных дел мурзе Тевкелеву (до принятия православия – Кутлумбет мурза) разработать проект приведения казахов в российское подданство» (История Казахстана..., 2010: 19).

О намерениях стабилизации российской внешней торговли, проходящей через казахские степи, в том числе и укрепление позиций в самой Средней Азии в период правления Петра упоминается на страницах «Оренбургского листка»: «Петр всегда промышлял об азиатской торговле, ему нужно было привести в подданство киргиз, чтобы на Аральском море учредить торговую пристань» (Киргизская степь..., 1877: 6).

Следовательно, Казахская степь рано или поздно столкнулась бы с проблемой в лице империи, и намеренный захват территории с целью урегулирования торговых сообщений был неизбежен. Об этом можно прочесть в работе В.Н. Витевского, посвященной 300-летию Уральского казачьего войска. Он пишет: «Чтобы открыть путь торгово-промышленному движению на восток, Россия должна была овладеть киргизскими ордами, которые, по мнению Петра Великого, имели значение «ключа и ворот» по отношению к Средней Азии, и, только овладев ими, русские могли войти в сношение с ташкентцами, сартами, хивинцами и другими среднеазиатскими народами» (Витевский, 1801: 148). Планы императора не ограничились проваленной экспедицией А. Бековича-Черкасского, о чем В.Н. Витевский пишет так: «Несчастный исход экспедиции Бековича Черкасского в Хиву не ослабил стремление Императора на восток через киргизские степи», который готов был потратить большие усилия и «миллионные средства» для осуществления цели. При этом приводится цитата самого Петра: «Киргизская орда одним листом под протекцию Российской империи быть обязана» (Витевский, 1801: 149). Плановая реализация задумок Петра Первого нашла место в политике Анны Иоанновны. При ней вопрос получения полного протектората над Степью к тому времени приобрел более серьезный характер. Проезд через Степь чаще всего представлялся опасным, поэтому чиновники регулярно напоминали о своем политическом статусе. Тому свидетельство – грамота от 20 января (9 января) 1734 года с прямым обращением императрицы к Абулхаир-хану с намерением напомнить о «присяге 1731 года» (Грамота императрицы..., 1899: 5-6). Причиной стало нападение казахов на караван полковника Гербера, который двигался по направлению к Хиве и Бухаре. Пользуясь случаем, Анна Иоанновна напоминает об обеспечении бескомпромиссной безопасности субъектам империи (государственным чиновникам, купцам и т.д.) по всей степи и при этом считает необходимым упомянуть следующее: «Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому войску... Понеже по принятию Нашего вечного подданства и по учинению присяги в 1731 году, каким образом с нашим посланником мурзой Тевкелевым вы поступили, о том нам пространно донесено, и между тем о происшествиях на полковника Нашего Гербера с караваном, ведущего в Хиву и в Бухару, из ваших своевольных киргизов, что против подданнической должности и присяги показано» (Грамота императрицы..., 1899: 5). Продолжая обращаться к Абулхаиру, императрица оповещает его также и о нападении казахов во главе с Семекеханом на башкир с целью «разорения» и следом отмечает, что это столкновение завершилось примирением сторон. Здесь, в обращении к Абулхаиру, императрица упоминает всех участников делегации 1731 года, акцентируя внимание на том, что тогда во дворец прибыли представители трех жузов. Но по отношению к Семекехану у Абулхаира свое мнение: «Брат мой Шамяки-хан в. и. в. противится и с Средней ордой соединился, а я его в состоянии привести не могу, о чем вам известно, всепокорно прошу на меня в том не гневаться» (Эпистолярное наследие. Кн. 1, 2014: 111), то есть следует предположить, что вопрос о подчинении всей Казахской степи, с легкой подачи Абулхаира, не стоял на повестке дня.

Одной из важнейших причин обращения Абулхаира к протекторату России может быть постройка города в качестве опорной базы или столицы. Так, издавна обладание городом было своего рода маркером значимости для кочевых правителей. Например, казахские ханы издавна пытались установить контроль над городами Туркестана. Тауекель пытался даже распространить свою власть на Бухару и Самарканд, выйдя за пределы традиционного для кочевников домена. Сюда же можно отнести попытку Касым-хана перенести столицу, а следовательно, и центр власти в Сарайчик. Известно, что Абулхаир несколько раз обращался с просьбой о постройке города и даже попросил после возведения Орской крепости, ставшей форпостом для военного продвижения Российской империи на юг, выбрать место для постройки города на реке Сырдарье: он должен был стать оплотом его власти и символом его могущества. Абулхаир понимал, что город станет не только административным, торговым и экономическим центром, но и, надо полагать, даст возможность будущему оседанию кочевников. Однако ему было отказано в этом из-за проблем с логистикой.

Исходя из этого, первоочередной задачей в союзе России с Казахской степью, по мнению Анны Иоанновны было обеспечение безопасности при передвижении торговых караванов, представителей русской администрации через казахские земли, что обязались выполнять казахи: «п. 4. Когда российским подданным с купеческим караваном из Астрахани и из прочих мест чрез нас (т.е. Казахские степи. – Авт.) случится им куда ехать или к нам, кайсакам, с караваном же придут, то нам худо б им не чинить, и от худых людей их защищать, и в надлежащих местах нам их препровождать» (Эпистолярное наследие. Кн. 1, 2014: 108).

Постоянное обращение и апелляции к хану Младшего жуза можно считать свидетельством того, что Абулхаир имел значительное влияние в Степи. Его имя ассоциировалось в геополитическом пространстве с титулом старшего хана, наличие которого у Абулхаира предполагает К.Ш. Хафизова, впрочем, этот титул выражал лишь уважение к самому авторитетному хану Казахской степи. Авторитет старшего хана давал большие возможности в первую очередь в решении внешнеполитических вопросов, а также был символом единой казахской государственности. К сожалению, в казахском обществе после смерти Абулхаир-хана в 1748 году статус старшего хана перестал существовать.

Преемник Абулхайра, Нуралы, по воле российской короны стал именоваться ханом «Киргиз-кайсацкой орды». В одной из последних крупных работ исследователя И.В. Ерофеевой запечатлено: «После трагической гибели Абулхайра Нуралы 2 октября 1748 г. был провозглашен ханом небольшой группой казахских биев и батыров, и три дня спустя после того его мать ханша Бопай, 28 старшин Младшего жуза и 5 старшин Среднего жуза по совету оренбургского губернатора И.И. Неплюева официально обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой утвердить за ним титул старшего, или главного, хана (улкен хан). Но поскольку царское правительство не было заинтересовано в укреплении центральной власти в казахских жузах и легитимации института старшего хана, то русская императрица своей грамотой от 26 февраля 1749 г. пожаловала Нуралы лишь неопределенный титул «киргиз-кайсацкого (т.е. казахского. – Авт.) хана» ([Эпистолярное наследие. Кн. 2, 2014: 7](#)).

Интерпретируя роль Абулхайра в истории казахско-русских отношений XVIII века, надо адекватно воспринимать его зависимость от сложившихся внешнеполитических обстоятельств. Помыслы хана описываются в различных источниках по-разному. К примеру, один из российских исследователей пишет: «Абулхайр-хан не был «рыцарем без страха и упрека», и стремление перейти в подданство Российской империи было продиктовано его прагматизмом политика – воспользоваться военной мощью России против джунгар, особенно терзавших казахов с 1720-х гг., и персидского шаха Надира, захватившего Хивинское ханство, на трон которого претендовал Нуралы – сын Абулхайр-хана. С помощью России он хотел укрепить свою ханскую власть во всей Казахской Степи. Но политика российской правящей элиты была противоречива. Царский двор верил все полномочия по этому вопросу оренбургским властям. Алексей Тевкелев... посол российской государыни к Абулхайр-хану, с именем которого связан успех российской дипломатии в феврале 1731 г., поддерживал последнего в попытках упрочения ханской власти в степи. А Неплюев считал, что сильная ханская власть, да еще в лице такого волевого правителя, не способного быть марионеткой, не отвечает государственным интересам России» ([Кадырбаев, 2016: 7](#)).

Надо отметить, что в те годы мнение и влияние Ханского совета были довольно объяснимыми. Многие султаны и знать настойчиво предлагали молодому хану наладить контакты с Российской империей. Поэтому в 1730 году Абулхайр отправил своих представителей в Москву, чтобы попросить у императрицы защиты от постоянных нападений джунгар. Взамен казахи предлагали военный союз. Императрица согласилась при условии, что Младший жуз войдет в Империю как протекторат. Абулхайр принял это условие, так как считал данный выход из сложившейся ситуации приемлемым и уже видел дальнейшую выгоду. Но спустя годы, распылав истинные цели империи, Абулхайр делает попытки восстановить былое величие казахского государства. В последние годы своей жизни он пытался бороться против усиления присутствия Российской империи на территории своих владений. Особенно это стало заметно с момента прихода к власти в регионе оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева.

Абулхайр был истинным потомком великой династии чингизидов, хранителем тюркского духа. Храбрость, дипломатию, тактику и стратегию мы наблюдаем в его действиях и переговорах с внешними государствами. Например, несмотря на тесный контакт с Россией, Абулхайр снова становится заметной фигурой в разрешении восстания в Башкирии. Однако при этом он преследовал и свои стратегические интересы, что вполне объяснимо для истинного правителя. Говоря о ситуации в отношении траектории «Россия–Казахская степь–Башкирия», можно упомянуть отрывок из работы Р.Ю. Почекаева: «Во время восстания 1735–1739 гг. в Башкирии вновь оказался казахский хан Абу-л-Хайр, правитель Младшего жуза. Уже около пяти лет считавшийся подданным российских императоров, он появился в Башкирии в 1736 г. под предлогом оказания помощи русским в подавлении волнений. Однако хан намеревался сделать башкирским ханом своего сына Ходжа-Ахмада. Учитывая его статус российского подданного (причем крайне ненадежного!), имперские власти не сочли возможным воздействовать на него силой оружия, и поэтому начальнику оренбургской пограничной комиссии В.Н. Татищеву пришлось применить все свои дипломатические способности, чтобы убедить хана вернуться в Казахстан» ([Почекаев, 2016: 122](#)). История повторилась в 1738 году. Абулхайр-хан и Ходжа-Ахмет снова оказались в Башкирии, что крайне беспокоило российскую корону. По мнению И.В. Ерофеевой, действия Абулхайра начали очень сильно тревожить Российскую империю. Была опасность того, что хану удастся укрепить связи и с Поволжьем, что не допускалось в политике России: «Несомненно, за этим решением стояло опасение властей, что укрепление связей Абу-л-Хайра и Ходжа-Ахмада с Поволжьем путем породнения с местной знатью позволит им и далее претендовать на башкирский трон» ([Ерофеева, 2007: 305](#)).

5. Заключение

В целом на сегодня можно утверждать, что обращение к российскому протекторату было вынужденным шагом, поскольку та геополитическая ситуация, которая сложилась в 30-х гг. XVIII века не позволяла казахам сконцентрироваться против главной угрозы – Джунгарского ханства. Исключение из врагов подвластных российской короне калмыков, башкир и уральского казачества позволяло сберечь людские и иные ресурсы, ведь недаром позднее с полуострова Мангыстау были

вытеснены туркмены, что стало возможным с гибелью Джунгарского ханства и побегом калмыков на свою историческую родину. Взамен же Абулхаир, по сути, принимал определенные обязательства в виде помощи в возврате пленных или охране караванов, сохраняя при этом известную независимость во внешней политике. По сути, установление протектората вовсе не предполагало потерю независимости, даже приняв подданство, Абулхаир-хан являлся активным участником всех главных политических событий.

Всемирный исторический процесс неминуемо должен был привести к краху кочевого строя, и Казахское ханство, представляя собой последнее государство кочевников, было обречено на падение. Абулхаир-хан, по сути, своими действиями способствовал более мягким условиям вхождения Казахской степи в состав Российской империи.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половине XIX веков в отечественной и зарубежной историографии». ИРН проекта: АР08855800.

Литература

- Абдиров, 2000 – Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией. Научное издание. Астана: Жалын, 2000. 171 с.
- Абильдаулы, 2002 – Абильдаулы Б. По велению хана Абылая // *Казахстанская правда*. 2002. № 4. Июнь. С. 6.
- Аллаева, 2021 – Аллаева Н.А. Дипломатия Хивинского ханства и торговые связи (XVI–XIX вв.)». Ташкент, 2021. 358 с.
- Ахмедов, 1985 – Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985. 262 с.
- Басин, 1971 – Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики российской империи / Ин-т истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
- Басин, 1971 – Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 274 с.
- Васильев, 2015 – Васильев Д.В. Ханская власть в Казахской степи в контексте региональной политики Российской империи // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал*. № 3. (Том 4), 2015, История. С. 7-15.
- Васильева, 2019 – Васильева Н.Е. Известия губернатора оренбургской губернии Г.С. Волконского об инаугурации казахского хана младшего Жуза Жанторе. Новые материалы // *История*. Т. 10, Выпуск №1(75).
- Вяткин, 1940 – Вяткин М.П. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Изд.: АН СССР. М.-Л., 1940. 543 с.
- Галузо, 1965 – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 344 с.
- ГАРТ, 1891 – Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ).
- Грамота императрицы..., 1899 – Грамота императрицы Анны Иоанновны хану Малой орды Абулхаиру // Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / Сост. Добросмыслов А.И. *Тургайская газета*. 13 августа. 1899. Л. 5-6.
- Дробышев, 2006 – Дробышев Ю.И. Обычное право казахов: экологический комментарий // *Тюркологический сборник*. 2005. СПб., 2006. С. 159-188.
- Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. 3-е изд., испр. и доп. Алматы, 2007. 496 с.
- Ерофеева, 2014 – Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты / Сборник исторических документов в 2 томах. Т. 1: Письма казахских правителей (1675–1780 гг.). Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.
- Ерофеева, 2014 – Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты / Сборник исторических документов в 2 томах. Т. 2: Письма казахских правителей (1738–1821 гг.). Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 1032 с.
- Есмагамбетов, 1992 – Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. А.: Қазақ университеті, 1992. 152 с.: 16 л. ил.
- Журналы и служебные..., 2005 – Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) // *История Казахстана в русских источниках*. Т. 3. Алматы, 2005. 484 с.
- Игнатъев, 2011 – Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. 302 с.
- Избасарова, 2017 – Избасарова Г.Б. Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // *Российская история*. 2017. № 1. С. 103-112.

Избасарова, 2018 – Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики российской империи в XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 68-76.

История Казахстана..., 2010 – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с. илл., карты.

Казахско-русские отношения, 1964 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Сб. документов (документы: 1–88). Алма-Ата, 1964. 575 с.

Касымбаев, 1997 – Касымбаев Ж. Политика Абулхайр хана в принятии Младшим Жужом российского подданства в 30-х годах XVIII века // *Изденис/Поиск*. 1997. № 5. С. 62-71.

Киргизская степь..., 1877 – Киргизская степь Оренбургского ведомства // *Оренбургский листок*. 1877 г. № 20. Л. 7.

Крадин, 2020 – Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история // СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2020. 416 с.

Лысенко, 2019 – Лысенко Ю.А. Механизмы воздействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.) // *История*. 2019. Т. 10. Выпуск 8 (82).

Почекаев, 2014 – Почекаев Р.Ю. Казахские ханы XVIII в. в борьбе за власть над Башкирией: золотоордынское наследие в новых политико-правовых реалиях // *Средневековые тюрко-татарские государства*. № 6. 2014. С. 111-118.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в.: Высшая школа экономики. М., 2017. 226 с.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. 378 с.

Рычков, 1762 – Рычков П. Описание Оренбургской губернии // Сочинение. Типография оренбургская. СПб., 1762. 262 с.

Сужиков, 2005 – Сужикова Б.М. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 7. Алматы: Санат, 2005. 275 с.

Сулейменов, Басин, 1981 – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.

Суни, 2004 – Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз. Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 163-196.

Таймасов, 2009 – Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVI вв. М., 2007. 255 с.

Халфин, Рассадина, 1977 – Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Ханыков Н.В. – востоковед и дипломат // *Русские путешественники и востоковеды* / Сост. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 278 с.

Хафизова, 2019 – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.

Цинская империя, 2020 – *Цинская империя* и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. / Сост. Хафизова К.Ш., [Моисеев В.А.] / Второе издание (исправлено и дополнено). Отв. ред. Хафизова К.Ш. Нур-Султан, 2020. 344 с.

Campbell, 2006 – Campbell I.W. Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell univ. press, 2017. XIV. 273 p.

Grews, 2006 – Grews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA, London, 2006. 480 p.

Journal von AO, 1784 – Journal von der ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier chander Kirgis-Caysack tartarischen Horda, aus freyem Willen und blos zu dem bessten des Russischen Reiches unternommenen hochst nothigen und zwar gefahrlichen doch glucklich vollbrachten Reise. *Materialen zu der Russischen Geschichte zeit Tode Kaisers Peter des Grossen Zweter Teil*. 1730–1741. Riga, 1784.

Kendirbai, 2020 – Kendirbai G.T. Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century. N-Y: Routledge, 2020. 246 p.

Morrison, 2020 – Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814-1914* (Cambridge University Press, 2020). 640 p.

References

Abdirov, 2000 – Abdirov, M.Zh. (2000) Zavoyevaniye Kazakhstana tsarskoy Rossiye [The conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia]. Nauchnoye izdaniye. Astana: Zhalyyn. 171 p. [in Russian]

Abil'dauly, 2002 – Abil'dauly, B. (2002). Po veleniyu khana Abylaya [At the behest of Khan Abylay]. *Kazakhstanskaya pravda*. 4: 6. [in Russian]

- Akhmedov, 1985** – *Akhmedov, B.A.* (1985). Istoriko-geograficheskaya literatura Sredney Azii XVI-XVIII vv. (pis'mennyye pamyatniki) [Historical and geographical literature of Central Asia in the 16th–18th centuries. (written records)]. Tashkent. 262 p. [in Russian]
- Allayeva, 2021** – *Allayeva, N.A.* (2021). Diplomatiya Khivinskogo khanstva i torgovyye svyazi (XVI – XIX vv.)» [Diplomacy of the Khiva Khanate and trade relations (XVI – XIX centuries)]. Tashkent, 358 p. [in Russian]
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ya.* (1971). Kazakhstan v sisteme vneshney politiki rossiyskoy imperii [Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire]. In: *Istorii, arkheologii i etnografii*. Alma-Ata: Nauka. 275 p. [in Russian]
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ya.* (1971). Rossiya i Kazakhskiy khanstva v XVI-XVIII vv. [Russia and the Kazakh khanates in the 16th–18th centuries]. Alma-Ata: Nauka. 274 p. [in Russian]
- Campbell, 2006** – *Campbell, I.W.* (2017). Knowledge and the ends of empire: Kazakh intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell Univ. press. XIV. 273 p.
- Drobyshev, 2006** – *Drobyshev, Yu.I.* (2006). Obychnoye pravo kazakhov: ekologicheskiy kommentariy [Customary law of the Kazakhs: ecological commentary]. Tyurkologicheskiy sbornik. Sankt-Peterburg. Pp. 159-188. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. 3-ye izd., ispr. i dop. Almaty. 496 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2014** – *Erofeeva, I.V.* (2014). Epistol'yarnoye naslediyе kazakhskoy pravyyashchey elity [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite]. *Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh*. T. 1: Pis'ma kazakhskikh praviteley (1675–1780 gg). Almaty: AO «ABDI Kompani». 696 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2014a** – *Erofeeva, I.V.* (2014). Epistol'yarnoye naslediyе kazakhskoy pravyyashchey elity [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite]. *Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh*. T. 2: Pis'ma kazakhskikh praviteley (1738–1821 gg). Almaty: AO «ABDI Kompani». 1032 p. [in Russian]
- Esmagambetov, 1992** – *Esmagambetov, K.L.* (1992). Chto pisali o nas na Zapade [What they wrote about us in the West]. A.: Kazakh universiteti. 152 p.: 16 l. il. [in Russian]
- Galuzo, 1965** – *Galuzo P.G.* Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Pod red. S. M. Dubrovskogo. Alma-Ata: Nauka, 344 p. [in Russian]
- GART, 1891** – Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan].
- Grews, 2006** – *Grews, R.* (2006). For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA, London. 480 p.
- Ignat'yev, 2011** – *Ignat'yev, R.G.* (2011). Sobraniye sochineniy (ufimskiy i orenburgskiy period) [Collected works (Ufa and Orenburg period)]. Sostavitel' M.I. Rodnov. T. III: 1869–1872 gody. Ufa, 302 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2010** – *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)*. V pyati tomakh. T. 3. Almaty: Atamyrta, 2010. 768 p. ill., karty. [in Russian]
- Izbassarova, 2017** – *Izbassarova, G.B.* (2017). Amanat v traditsionnom kazakhskom obshchestve i rossiyskoy politike XVIII [Amanat in traditional Kazakh society and Russian politics of the 18th century]. *Rossiyskaya istoriya*. 1: 103-112. [in Russian]
- Izbassarova, 2018** – *Izbassarova, G.B.* (2018) Gosudarstvennaya deyatel'nost' A.I. Tevkeleva po realizatsii yugo-vostochnoy politiki rossiyskoy imperii v XVIII v. [State activity of A.I. Tevkelev on the implementation of the southeastern policy of the Russian Empire in the XVIII century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 430: 68-76. [in Russian]
- Journal von AO, 1784** – *Journal von der ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier chander Kirgis-Caysack tartarischen Horda, aus freyem Willen und blos zu dem bessten des Russischen Reiches unternommenen hochst nothigen und zwar gefahrlichen doch glucklich vollbrachten Reise* [Journal of the ao. 1736 from Orenburg to the Abul Geier chander Kirgiz-Caysack Tartaric Horda, out of free will and only for the best of the Russian Empire, undertaken a highly necessary and indeed dangerous but happily accomplished journey]. *Materialen zu der Russischen Geschichte zeit Tode Kaisers Peter des Grossen Zweter Teil*. 1730–1741. Riga, 1784. [in German]
- Kasymbayev, 1997** – *Kasymbayev, Zh.* (1997). Politika Abulkhayr khana v prinyatii Mladshim Zhuzom rossiyskogo poddanstva v 30-kh godakh XVIII veka [Abulkhair Khan's policy in accepting Russian citizenship by the Younger Zhuz in the 30s of the XVIII century]. *Izdenis/Poisk*. 5: 62-71. [in Russian]
- Kazakhsko-russkiye otnosheniya, 1964** – *Kazakhsko-russkiye otnosheniya (1964) v XVIII-XIX vv.* [Kazakh-Russian relations in the XVIII – XIX centuries]. Sb. dokumentov (dokumenty: 1–88). Alma-Ata. 575 p. [in Russian]
- Kendirbai, 2020** – *Kendirbai, G.T.* (2020). Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century. N-Y: Routledge. 246 p.
- Khafizova, 2019** – *Khafizova, K.Sh.* (2019) Stepnyye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th – 19th centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 480 p. [in Russian]

- Khalfin, Rassadina, 1977** – Khalfin, N.A., Rassadina, Ye.F. (1977). Khanykov N.V. – vostokoved i diplomat [Khanykov N.V. – orientalist and diplomat]. *Russkiye puteshestvenniki i vostokovedy*. Sostaviteli: Khalfin N.A., Rassadina Ye.F. Moskva: Nauka, GRVL. 278 p. [in Russian]
- Kirgizskaya step', 1877** – Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [The Kirghiz steppe of the Orenburg department]. *Orenburgskiy listok*. 1877. №20. L. 7. [in Russian]
- Kradin, 2020** – Kradin, N.N. (2020). Kochevniki i vseмирnaya istoriya [Nomads and World History]. SPb: Izd-vo Olega Abyshko. 416 p. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – Lysenko, Yu.A. (2019). Mekhanizmy vozdeystviya Rossiyskoy imperii s kazakhskoy elitoy Mladshogo i Srednego zhuzov (XVIII – XIX vv.). *Istoriya*. T. 10. 8 (82). [in Russian]
- Morrison, 2020** – Morrison, A. (2020). *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge University Press. 640 p.
- Pochekayev, 2014** – Pochekayev, R.Yu. (2014). Kazakhskiy khany XVIII v. v bor'be za vlast' nad Bashkiriye: zolotoordynskoye naslediyе v novykh politiko-pravovykh realiyakh [Kazakh khans of the 18th century in the struggle for power over Bashkiria: the Golden Horde heritage in the new political and legal realities]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*. 6: 111-118. [in Russian]
- Pochekayev, 2017** – Pochekayev, R.Yu. (2016). Uzurpatory i samozvantsy «stepnykh imperiy». Istoriya tyurko-mongol'skikh gosudarstv v perevorotakh, myatezhakh i inostrannykh zavoyevaniyakh [Usurpers and impostors of “steppe empires”. The history of the Turko-Mongolian states in coups, rebellions and foreign conquests]. Sankt-Peterburg: YEVRAZIYA. 378 p. [in Russian]
- Pochekayev, 2017** – Pochekayev, R.Yu. (2017). Legitimatsiya vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvakh Yevrazii. Tyurko-mongol'skiy mir XIII – nachala XX v. [Legitimation of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia. Turko-Mongolian world of the XIII – early XX centuries]: Vysshaya shkola ekonomiki. Moskva. 226 p. [in Russian]
- Rychkov, 1762** – Rychkov, P. (1762). Opisanie Orenburgskoy gubernii [Description of the Orenburg]. Sochineniye. Tipografiya orenburgskaya. Sankt-Peterburg. 262 p. [in Russian]
- Suleymenov, Basin, 1981** – Suleymenov, B.S., Basin, V.Ya. (1981). Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th - early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka. 243 p. [in Russian]
- Suni, 2004** – Suni, R. (2004). Dialektika imperii: Rossiya i Sovetskiy Soyuz. Novaya imperskaya istoriya postsovet'skogo prostranstva [Dialectics of Empire: Russia and the Soviet Union. New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Pod red. I.V. Gerasimova i dr. Kazan': Tsentri issledovaniya natsionalizma i imperii. Pp. 163-196. [in Russian]
- Suzhikov, 2005** – Suzhikov, B.M. (2005). Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII-XX vv. [History of Kazakhstan in Western sources of the XII–XX centuries]. T. 7. Almaty: Sanat. 275 p. [in Russian]
- Taymasov, 2009** – Taymasov, S.U. (2009). Bashkirsko-kazakhskiyе otnosheniya v XVIII veke [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Moskva: Nauka. 344 p. [in Russian]
- Trepavlov, 2007** – Trepavlov, V.V. (2007). «Belyy tsar'». Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV – XVI vv. [“White King”. The image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the XV-XVI centuries.]. Moskva. 255 p. [in Russian]
- Tsinskaya imperiya, 2020** – Tsinskaya imperiya i kazakhskiyе khanstva. Vtoraya polovina XVIII-pervaya tret' XIX vv. [King Empire and Kazakh Khanates. Second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. Sostaviteli Khafizova K.Sh., [Moiseyev V.A.]. Vtoroye izdaniye (ispravleno i dopolneno). Otv. red. Khafizova K.Sh. Nur-Sultan. 344 p. [in Russian]
- Gramota imperatritsy..., 1899** – Gramota imperatritsy Anny Ioannovny khanu Maloy ordy Abulkhairu [Diploma of Empress Anna Ioannovna to the Khan of the Small Horde Abulkhair]. Sbornik ukazov i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya upravleniya i ustroystva Orenburgskogo kraya. Sost.: Dobrosmyslov A.I. Turgayskaya gazeta. 13 avgusta. 1899. L. 5-6. [in Russian]
- Vasil'yev, 2015** – Vasil'yev, D.V. (2015). Khanskaya vlast' v Kazakhskoy stepi v kontekste regional'noy politiki Rossiyskoy imperii [Khan power in the Kazakh steppe in the context of the regional policy of the Russian Empire]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. Nauchnyy zhurnal. T. 4. Istoriya. 3: 7-15. [in Russian]
- Vasil'yeva, 2019** – Vasilyeva, N.E. (2019). Izvestiya gubernatora orenburgskoy gubernii G.S. Volkonskogo ob inauguratsii kazakhskogo khana mladshogo Zhuza Zhantore. Novyye materialy [News of the governor of the Orenburg province G.S. Volkonsky about the inauguration of the Kazakh Khan, the younger Zhuz Zhantore. New materials]. *Istoriya*. T. 10. 1(75). [in Russian]
- Vyatkin, 1940** – Vyatkin, M.P. (1940). Materialy po istorii Kazakhskoy SSR (1785–1828 gg.) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. T. IV. Izd.: ANSSSR. Moskva-Leningrad. 543 p. [in Russian]
- Zhurnaly i sluzhebnyye..., 2005** – Zhurnaly i sluzhebnyye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759 gg.). [Journals and memos of the diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh*. T. 3. Almaty. 484 p. [in Russian]

**Степная элита казахов Младшего жуза в период вассалитета:
новые подходы и проблемы переосмысления**

Галия Айтжановна Шотанова ^{a, *}, Ернар Маратович Ужкенов ^b, Куляш Валитхановна Джумагалиева ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Общественный фонд «Институт национальной истории», Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение степной знати Младшего жуза, которая сыграла значительную роль в процессе установления казахско-российских отношений XVIII – начала XIX вв. В контексте управления своими владениями представители степной элиты ориентировались на составленные еще Тауке-ханом нормы «обычного права» свода законов, который был известен под названием «Жеты жаргы» и имел определенное влияние на решение не только внутренних, но и внешних проблем функционирования казахской государственности. Присутствие старейшин, влиятельных султанов, биев и батыров во время важных переговоров объяснялось тем, что каждый управитель был заинтересован в безопасности тех родовых групп, которые составляли его окружение и представляли его надел, ведь от решения стратегических вопросов зависело благосостояние Степи в целом. Этот же случай запечатлен в письменных источниках, когда решалась судьба отечества после кончины Тауке-хана. Тогда ключевую позицию в Казахской степи занял Абулхаир-хан. Это была личность, которая по достоинству воспринималась старшим ханом внешними правителями. Роль хана Младшего жуза Абулхаира в жизни как самих казахов, так и во взаимоотношениях его с башкирами, калмыками, русскими, хивинцами и т.д. весьма содержательно раскрывается в трудах представителей перечисленных народов.

В данной работе авторы попытались восстановить картину тех сложившихся обстоятельств, которые впоследствии коренным образом изменили социально-политическое устройство Степи, а также дать оценку некоторым историческим личностям, сыгравшим важную роль в решении стратегических задач Казахской степи.

Ключевые слова: степная элита, Российская империя, Кирилловская экспедиция, стратегический партнер, Абулхаир-хан, Младший жуз, Оренбург.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова)